

УДК 947.0–057.66 (043)

## ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ В РОССИИ (1920 – 1940 гг.)

© 2009 А.А. Славко

Тверской филиал Российского государственного гуманитарного университета

Поступила в редакцию 19.02.2009

В статье раскрываются тенденции изменения численности беспризорных детей в первые три десятилетия советской власти. Освещаются различные точки зрения по этому вопросу. Выявляются четыре “волны” детской беспризорности.

Ключевые слова: беспризорные дети, динамика беспризорности, советская власть.

География распространения детской беспризорности в России с первых лет советской власти до конца 1940-х гг. затрагивала все без исключения регионы страны, с разной степенью интенсивности. Сразу же после революции лидирующее положение по числу беспризорных детей занимала Москва. Выделялись в этом плане Казань, Саратов и другие регионы, охваченные неурожаем. Тысячи беспризорных детей из городов Поволжья, истощенных от голода, оседали на Урале и Юге России.

Сведения о численности беспризорников в 1920-е гг., как и в последующий период, крайне противоречивы и неточны. В то же время даже ориентировочные данные позволяют в целом раскрыть масштабы детской трагедии.

По данным энциклопедического издания, посвященного Гражданской войне и военной интервенции в Советской России, число беспризорных детей в 1921 г. равнялось 4,5 млн человек [1. С. 187]. А. Л. Арефьев приводит цифры 4,5–7 млн человек [2], к сожалению, без ссылок на источники. В статье Л. Жуковой и Г. Ульяновой приводится выдержка из газеты “Известия Рязанского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов” от 16 августа 1921 г.: “Дети подбрасываются у дверей Наробраза и его ответственных руководителей, так как за неимением места в детских домах их не помещают туда, что родители, не вынося голодного крика детей, топят последних в Волге. Пайки в детских учреждениях урезаются, и беспризорные дети начали заниматься нищенством, проституцией и кражей” [3]. И хотя приоритетом советского общества считалась рабоче-крестьянская прослойка, по подсчетам очевидца этих событий Б. Соколова, в 1921 г. примерно 70 % уличных беспризорников составляли дети рабочих. Около 20 % – выходцы из интеллигентских семей и только 10 % приходилось на остальные социальные группы [4. С. 70]. В результа-

те беспризорными в первую очередь оказались дети пролетариата и беднейшего крестьянства, ушедшего в город на заработки.

К 1 декабря 1922 г. в РСФСР, по официальным данным, насчитывалось около 444 тыс. беспризорников (уличных и уже помещенных в детские дома и приемники-распределители). Вместе с тем, из публикаций 1920-х гг. выясняется, что эти сведения далеко не полные, поскольку являются частичным итогом данных, присланных с мест. Поэтому приводимая в настоящее время цифра – 7 млн беспризорных детей в России к началу 1922 г. – воспринимается более реальной для этого периода [4. С. 32].

Отсутствие точного учета беспризорников отмечалось и в 1924 г. Приводятся лишь показатели, поступившие в Центр из 43 губерний и автономных областей РСФСР, в которых насчитывалось около 235 тыс. беспризорных детей и подростков. Относительно 1925 г. на сайте “Хроника борьбы с беспризорностью” зафиксирована общая цифра по стране – 200 тыс. беспризорников. На точность информации о численности беспризорников существенно влияло и преднамеренное искажение данных, присланных с мест, которые требуют уточнения.

Любая советская публикация о беспризорных детях вызывала ответную реакцию за рубежом. Это же произошло и в связи со статьей Н. К. Крупской в газете “Правда” от 2 декабря 1925 г. В своем ответном послании Н. К. Крупская пишет, что “ни о каких 80 тыс. беспризорных, бродящих по улицам города Москвы, я не говорила и не могла говорить, конечно. Но что у нас есть необнаруженная беспризорность – это всякий знает, и было бы лицемерием обходить этот вопрос” [7].

Отсутствуют точные данные и о социальном составе беспризорников. Можно привести лишь сведения о детях, прошедших через Комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей в 1924 и 1925 гг. Вместе с тем, вывод М. Богус-

Славко Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления.  
E-mail: aaslavko@yandex.ru.

лавского о том, что намечалась тенденция к постепенному увеличению процента детей крестьян и рабочих [8. С. 141], требует дальнейшего подтверждения, поскольку возрастание количества детей данных социальных групп могло произойти за счет существенного уменьшения в 1925 г. по сравнению с 1924 г. доли детей родителей неизвестных социальных групп.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. беспризорных детей в городских поселениях РСФСР насчитывалось 75 тыс. [9. С. 78] Эта же цифра затем фигурирует во многих изданиях, в том числе и современных [10. С. 22]. Вместе с тем, несомненно, что материалы переписи не могли охватить даже большинство беспризорников в силу специфики местонахождения последних, их постоянного перемещения, нежелания встречи с официальными лицами и т.д. Показатель в 75 тыс. беспризорников был подвергнут критике еще в 1920-е гг. Так, в своем докладе на Всесоюзной конференции работников детдомов, состоявшейся 15–20 ноября 1927 г. М. Эпштейн подчеркнул, что в данных переписи ЦСУ 1926 г. “имеется некоторое преуменьшение”, и, по его подсчетам, эта цифра должна выражаться в 125 тыс. уличных беспризорных [11. С. 55]. Наряду с этим, в 1920-е гг. встречается и другая, меньшая цифра – 70 тыс. уличных беспризорных [9. С. 78].

В 1927/28 гг. из состояния беспризорности было выведено 2,6 тыс. ребят, что позволило некоторым политикам сделать вывод “о создании реальных предпосылок для постановки вопроса о полной ликвидации детской беспризорности (особенно уличной) в ближайший период времени” [9. С. 80].

В результате, к концу 1920-х гг в советской историографии неоднократно подчеркивалось, что благодаря разработке и внедрению эффективных мер борьбы с беспризорностью это негативное социальное явление было свернуто, что явилось победой политики коммунистической партии и советского правительства. Такому выводу способствовало и указание ЦК ВКП(б) о ликвидации “в основном” детской беспризорности за один-два года. К весне 1929 г. намечалось полностью искоренить уличную беспризорность. Вместе с тем, по словам А. Рожкова, “в конце 20-х гг. борьба с беспризорностью как социальным явлением окончательно переросла в войну непосредственно с беспризорниками” [4. С. 76].

Последовавшее затем свертывание исследований по детской беспризорности, прекращение обсуждений и публикаций таких материалов в периодической печати создало видимость благополучия в решении проблемы беспризорности. Это позволило вплоть до сегодняшнего дня многим авторам сделать вывод о ликвидации, в ос-

новном, массовой беспризорности к началу 1930-х гг. [3]. Однако даже отдельные разрозненные факты не подтверждают данный вывод.

А. Н. Кривонос например, приводит данные того времени, опубликованные в печати, которые опровергают вывод о полной ликвидации уличной беспризорности. Так, 11 июня 1928 г. “Вечерняя Москва” сообщала: “За последнее время чрезвычайно усилился приток беспризорных детей из провинции в Москву... С каждым поездом, приходящим в Москву, приезжают беспризорники”. “Труд” от 21 сентября 1928 г. уточнял, что в августе в Москву прибыло до 1,5 тыс. беспризорников. “Известия” в феврале 1929 г. писали, что за 1928 г. с улиц было изъято более 21 тыс. беспризорников [12. С. 97].

Как свидетельствуют источники, к концу 1920-х гг. уличная беспризорность в крупных городах сводится к минимуму. Этому способствует огромная работа, проделанная государственными учреждениями и общественными организациями. Однако наибольший эффект в снижении численности беспризорных детей был связан с ужесточением методов решения проблемы беспризорности за счет репрессивных мер.

Что касается официальных документов, то в одном из них – Справке Деткомиссии ВЦИК “О детской беспризорности” (1935 г.) – ликвидация в основном уличной детской беспризорности к 1931 г. обосновывалась тем, что к этому времени в стране, в том числе и в РСФСР, “осталось наименьшее количество детдомов и воспитанников в них за все годы советской власти” [13. Д. 49. Л. 188.], что, естественно, не отражает истинных масштабов беспризорности, поскольку все большее число беспризорных детей помещалось в трудовые колонии и лагеря для взрослых. Так решалась задача ликвидации детской беспризорности к 1930 г.

С началом раскулачивания численность беспризорных детей увеличивается, что следует отнести ко 2-й волне детской беспризорности в России.

Первые же месяцы начала нового десятилетия дали резкое увеличение числа беспризорных и безнадзорных детей. Как было официально заявлено на III Всероссийском съезде по охране детства, состоявшемся 9 мая 1930 г., “У нас за последнее время наблюдается увеличение детской беспризорности в целом ряде районов, и социальный корень этой беспризорности несколько иной, чем был до сих пор, в частности, совершенно не нужно отмахиваться от того, что раскулачивание и вся эта проблема ударила как следует по детской беспризорности в смысле ее увеличения и увеличения количества детей-преступников” [13. Д. 16. Л. 10].

Приводится цифра, правда, без ссылки на пер-

воисточник, что только в одном 1932 г. сотрудниками угрозыска было выявлено более 18 тыс. беспризорников [4. С. 76]. В условиях 1932 голодного года были сняты с центрального снабжения все иждивенцы, а значит – и дети. Следствием этого становится нищенство детей. Приводится цифра о количестве нищенствующих детей в Западном Сибирском крае по данным на 16 мая 1932 г. – около 2500 тыс. детей. В большинстве случаев (90%) ими являлись “дети, имеющие родителей или прибывшие в города из недородных районов, или низко оплачиваемых семей (часть семьи коих сняты со снабжения)” [13. Д. 15. Л. 108].

В связи с массовым раскулачиванием и расширением кулацкой ссылки резко ухудшается положение детей спецпереселенцев.

В 1933 г. отмечается значительное увеличение детской беспризорности в целом по стране и массовый наплыв этих детей в Москву. Благодаря Центральным и Московским организациям был проведен ряд мероприятий, позволивших резко сократить детскую беспризорность в Москве и ближайших районах. Для этого была расширена сеть детдомов в Московской области, созданы трудкоммуны, проведена реэвакуация детей к родителям и т. д.

В связи с массовым притоком детей спецпереселенцев в Северном крае на 11 февраля 1933 г. числилось 35 720 детей, основная масса из которых не была охвачена детскими учреждениями. Как сообщала Детская комиссия при Северном краевом исполкоме, именно эти дети порождали беспризорность, нищенство и смертность, но у Краевых организаций отсутствовали средства для открытия дополнительных детских интернатов [14. С. 124].

Снижение численности беспризорных детей в Москве и Центральном регионе, создавая иллюзорность ситуации в стране в целом, дало возможность вновь выдвинуть лозунг об “окончательной ликвидации дет[ской] беспризорности в 1934 г. и в первую очередь, по очищению улиц гор. Москвы ко дню 16-й годовщины Окт[ябрьской] Революции” [14. С. 147]. Около половины беспризорных детей, по данным на 11 апреля 1934 г., не имели родителей и бежали из деревни. Среди них встречались даже дети ответственных советских и партийных работников. При этом число беспризорных детей пополнялось массовым бегством воспитанников из детских домов [14. С. 162].

С 1936 по 1938 г. вновь наблюдается рост численности беспризорных детей с 156 тыс. до 175 тыс. [14. С. 328] Однако эти данные отражают численность только тех детей, которых в этот период за безнадзорность задержала милиция. Неясным остается количество беспризорных детей, не попавших в это число. Не вошло в этот

показатель и количество арестованных детей репрессированных родителей и детей-сирот, находящихся на спецпоселении.

Что касается детей “врагов народа”, изъятие которых началось с середины августа 1937 г., когда был издан приказ НКВД СССР №00486 “Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины”, опубликованы итоговые цифры за 1937 – 1938 гг., которые сообщил 29 января 1939 г. начальник АХУ НКВД в своей записке на имя Л. Берии. В ней говорилось, что за период с 15 августа 1937 г. по конец января 1939 г. всего по стране было изъято 25 342 ребенка. Из них в детские дома Наркомпроса и местные ясли было направлено 22 427 человек (в том числе из Москвы – 1909 человек). Передано на опеку и возвращено матерям (до 1 года) – 2915 человек [15. С. 98]. Здесь отсутствуют сведения о детях как старшего – 15 и выше лет, так и младшего возраста – до 1–1,5 лет.

В условиях беспризорности дети шли на преступления: мелкие кражи, нищенство, драки и др. Они попадали в исправительно-трудовые лагеря и трудовые колонии. Вместе с тем, как свидетельствуют факты, большее число детей стали заключенными только за то, что они очутились на улице. Так, с 31 мая 1935 г. по март 1940 г. через трудовые колонии прошло 155 506 подростков в возрасте от 12 до 18 лет, из них 68 927 судимых и 86 579 – не судимых. В целом за этот период через 162 приемника-распределителя пропущено 952 834 подростка, которые были направлены в детские учреждения Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомсобеза, а также в трудовые колонии ГУЛАГа НКВД [14. С. 331].

К концу 1930-х гг., как и в предыдущем десятилетии, численность беспризорников существенно снижается. Как было заявлено в письме народного комиссара внутренних дел СССР М. - Панкратьева в ЦК ВКП(б) на имя И. В. Сталина от 25 февраля 1940 г., за 5 лет с 1935 г. “резко сократилось количество беспризорных детей в городах, на железной дороге и т. д., но количество безнадзорных и осужденных за совершение преступлений несовершеннолетних возросло”, в 1938 г. по сравнению с 1936 г. – почти втрое [14. С. 327]. Отсутствие данных о численности беспризорных детей ряд исследователей восполняет численностью детей, находящихся в детских домах, что лишь приблизительно отражает истинные масштабы детской беспризорности.

Великая Отечественная война расширила категорию “беспризорный ребенок” за счет детей-сирот войны и детей репрессированных в эти годы родителей.

Среди детей, оставшихся без родительской опеки и задержанных органами милиции, неред-

ко большее число составляли безнадзорные, а не беспризорники. Так, например, среди 420 детей, задержанных и подобранных милицией Куйбышевской области в IV квартале 1941 г., безнадзорных было 324, беспризорных – 90, заблудившихся – 5, подкинутых – 1 ребенок [16. С. 414 – 415]. Преобладание среди задержанных милицией безнадзорных детей давало возможность региональным управлениям НКВД решать проблему детской безнадзорности за счет передачи детей родителям. В качестве наказания таких родителей подвергали административным взысканиям, часть родителей привлекалась к уголовной ответственности. В Куйбышевской области за IV квартал 1941 г. к уголовной ответственности было привлечено 7 человек, административные взыскания наложены на 238 человек [16. С. 414 – 415]. Социальный состав родителей был следующим: 36,2 % – рабочие, 30,6 % – крестьяне, 14,9 % – служащие, 18,3 % – неизвестно [подсчитано по: 16].

Численность беспризорников не прекращала увеличиваться за счет побегов воспитанников из колоний НКВД. Только за январь 1944 г. из 47 колоний бежало 445 воспитанников [14. С. 406]. Это происходило из-за тяжелых бытовых и жилищных условий, плохого питания. К концу войны в России насчитывалось 678 тыс. детей, оставшихся без родителей, из них 278 тыс. содержались в приемных семьях на условиях патроната [17]. Более 20 тыс. детей-сирот стали сыновьями и дочерьми полков [18]. Среди этих детей были и те ребята, которые убегали из детских домов на фронт.

В 1947-1948 гг. наблюдается новый всплеск численности беспризорных детей. Только в детские приемники-распределители в этот период попало около 0,5 млн беспризорников [19. С. 129]. Часть несовершеннолетних по приговорам судов направлены в трудовые колонии: в 1947 г. – 59 659 человек, в 1948 г. – 31 680 человек, в 1949 г. – 26 679 человек [20].

К концу десятилетия численность беспризорников снижается. Главным, как и в предыдущие периоды, в борьбе с детской беспризорностью стали испытанные методы. По данным на 1 июля 1950 г., в детских колониях МВД СССР содержалось 33 292 осужденных несовершеннолетних, из которых 82,5 %, или 27 475 человек были осуждены за кражи и хищения [20].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Точные данные о численности и составе беспризорников в 1920-е – 1940-е гг. по России в целом и отдельным регионам отсутствуют. Среди важнейших можно назвать следующие причины, объясняющие данную ситуацию: не было единой планомерной учетной политики и критериев сбо-

ра информации о беспризорных и безнадзорных детях в 1920-е – первой половине 1930-х гг.; сложность учета беспризорников в силу особенностей их местонахождения и постоянной миграции; закрытость информации и невозможность ее обсуждения в условиях репрессивной политики государства; запрет на исследования детской беспризорности и безнадзорности, начиная с конца 1920-х до середины 1980-х гг.

В результате, анализ динамики численности беспризорных детей в стране в 1920-е – 1940-е гг. позволяет выделить четыре “волны” детской беспризорности:

- 1920-е гг. с максимумом численности беспризорников в 1922 г.;
- 1930-е гг. с пиком численности беспризорников в 1938 – 1939 гг.;
- период Великой Отечественной войны;
- вторая половина 1940-х гг. с максимумом беспризорников в 1947 – 1948 гг.

Это расходится с современной периодизацией, когда в истории детской беспризорности в России выделяется три “волны”: Гражданская война, Великая Отечественная война и постсоветский период. Ориентировочные данные об общей численности беспризорников не дают возможности сделать точные выводы. Однако и в этом случае можно охарактеризовать главную тенденцию: численность беспризорных детей была настолько масштабна, что позволяет говорить о всенародном бедствии и национальной катастрофе с точки зрения судеб миллионов людей, изменения структуры общества и демографических последствий.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. – М.: 1983. – 703 с.
2. *Арефьев, А.Л.* Беспризорные дети России / *А.Л. Арефьев* // Социс. – 2003. – № 9. – С. 61–72.
3. *Жукова Л., Ульянова Г.* “Не имея родного угла”... Исторический опыт борьбы с беспризорностью детей. URL: <http://his.1september.ru/2003/39/10.htm> (дата обращения 10.02.2009).
4. *Рожков, А.* Беспризорники / *А. Рожков* // Родина. – 1997. – № 9. – С. 70–76.
5. Основы профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних / под ред. *Ф.А. Мустаевой*. – М.: Академический проект, 2003. – 208 с.
6. *Тизанов, С.* Итоги и перспективы социально правовой охраны несовершеннолетних / *С. Тизанов* // Социально-правовая охрана детей и подростков и детский дом. – М.: Научно-Педагогическая секция ГУ-С’а, 1924. – С. 11–16.
7. РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 730. Л. 215.
8. *Богуславский, М.* Борьба с детской беспризорностью в РСФСР / *М. Богуславский* // Красная Новь. – 1927. – № 8. – С. 139–162.
9. *Артамонов, П.* Задачи борьбы с детской беспризорностью и детдом (К партсоветанию по вопросам

- народного образования) / П. Артамонов // Народное просвещение. – 1929. – № 1. – С. 78–89.
10. Сажина, Н.С. Деятельность государства и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в 1921–1928 гг. (на материалах Урала) / Н.С. Сажина. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003.
  11. Эпштейн, М. Состояние детской беспризорности и очередные задачи борьбы с ней / М. Эпштейн // Народное просвещение. – 1928. – № 1. – С. 54–63.
  12. Кривоносов, А.Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью / А.Н. Кривоносов // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 92–98.
  13. ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 3.
  14. Дети ГУЛАГа. 1918 – 1956 (Россия. XX век. Документы) / сост. С. С. Виленский [и др.]. – М.: МФД, 2002. – 631 с.
  15. Даниэль, А. Аресту подлежат жены... / А. Даниэль, А. Рожинский // Карга. – 2005. – № 43–44. – С. 95–99.
  16. Самарское Поволжье в XX веке: сб. док. и матер. / сост. П.С. Кабытов [и др.]. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. – 512 с.
  17. Призрение детей-сирот: история и современность. URL: [http://www.pro-mama.ru/article\\_679.html](http://www.pro-mama.ru/article_679.html) (дата обращения 10.02.2009).
  18. Питерский, Л. Где вы, сыны полков? / Л. Питерский // Красная Звезда. – 2001. – 25 апреля.
  19. Зезина, М.Р. Социальная защита детей сирот в послевоенные годы (1945 – 1955) / М.Р. Зезина // Вопросы истории. – 1999. – № 1. – С. 127–136.
  20. Архив НИПЦ “Мемориал”. Коллекция документов.

## DYNAMICS OF THE NUMBER OF HOMELESS CHILDREN IN RUSSIA (1920 – 1940s)

© 2009 A.A. Slavko

Russian State University of Humanities, Tver Branch

The article reveals tendencies in changes in the number of homeless children during the first three decades of the Soviet power. The author analyzes different points of view on this matter. Four waves of children's homelessness are described.

Key words: homeless children, dynamics of homelessness, Soviet power.